
Александр Н. Панин¹

Географический факультет

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,

Российская Федерация, 119991, г. Москва,

Ленинские горы, Главное здание

<http://www.geogr.msu.ru>

КАРТА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАДИЕНТЫ И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РИСКИ

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к созданию геоинформационного обеспечения в области социально-демографического и инвестиционного развития полиэтничных территорий на примере Северного Кавказа. С помощью созданной базы геоданных и карт, дается оценка влияния этнической мозаичности, характера демографических и миграционных процессов муниципалитетов на инвестиционное развитие региона.

Ключевые слова: геоинформационный мониторинг, демографические процессы, инвестиционный потенциал, конфликты.

JEL CODES: J00, R11

I. Геоинформационное обеспечение исследования и проблемы источников информации

Северный Кавказ — один из самых своеобразных в социально-демографическом отношении районов России. Здесь на сравнительно небольшой территории соседствуют развитые, устойчиво периферийные и стабильно отстающие регионы/муниципалитеты. Понимание сути этих проблем невозможно без системного анализа основанного на использовании разнообразных пространственных данных и геоинформационных технологий. В работе используется «открытая» геоинформационная платформа QGIS. На ее базе организованы процессы обновления данных из диверсифицированных источников, пространственного анализа, производства итоговых картографических произведений.

¹ Александр Николаевич Панин, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории комплексного картографирования географического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: info@geogr.msu.ru

В работе используются диверсифицированные источники информации: официальные данные Росстата и региональных ведомств, фактические материалы из похозяйственных книг муниципальных образований, данные социальных сетей, а так же ряд других статистических источников. Ключевой замысел создания базы геоданных состоит в сборе, систематизации и обработке информации на муниципальном и поселенческом уровнях, что несомненно, дает возможность расширить потенциал исследования социально-демографического и инвестиционного ландшафта Северного Кавказа [Belozerov et al., 2010; Белозеров и др., 2014; Колосов и др., 2016; Щитова, Чихичин, 2014].

Такой подход прежде всего связан с крайне низким качеством данных официальной статистики. Так например, разница между де-факто проживающими и де-юре прописанными в отдельных территориях Северного Кавказа может составлять от 15 до 35%. Причина — подушевое финансирование муниципалитетов. Часто, власти напрямую заинтересованы в том, что бы официальные источники информации не фиксировали истинные масштабы снижения численности населения [Belozerov, et al., 2010; Белозеров и др., 2014; Колосов и др., 2016; Щитова, Чихичин, 2014].

Другая группа причин — изменение систем учета применяемых самим Росстатом. Так в 2001 г. прекратился учет этнических аспектов естественного движения населения (форма АОЗ — родившиеся и умершие по национальностям). А в 2007 в Росстате исчезла статистика, характеризующая национальный состав мигрантов (форма П12 МН1 — прибывшие мигранты по национальностям, форма П12 МН1 — выбывшие мигранты по национальностям). Причем важно отметить, что сами талоны прибытия/выбытия мигрантов и акты записи рождаемости и смертности по-прежнему содержат графу национальность и во многих муниципалитетах заполняются, но Росстат обработку этих данных не ведет.

Таким образом, современные исследования посвященные анализу демографических и миграционных процессов, требуют осторожного подхода к выбору источников получения информации. Особое значение, этот факт имеет для объективного анализа ситуации в полиэтничных территориях, где характер социально-демографического развития напрямую влияет на формирование конфликтного потенциала.

II. Демографические и миграционные процессы

Северный Кавказ — регион с особым характером этнодемографических и миграционных процессов, оказывающем влияние на устойчивость пространственного развития России в целом.

По показателям **рождаемости и смертности** Северный Кавказ достаточно четко делится на «относительно успешный Юг» и «неблагополучный Север». Диапазон общего коэффициента рождаемости составляет от 25-26

до 10–11‰. Во всех республиках Северного Кавказа этот показатель, не смотря на незначительное снижение, остается достаточно высоким. При движении на северо-запад рождаемость падает и достигает своего минимума в Краснодарском крае. Вместе с тем, нельзя не заметить позитивную тенденцию медленного, но роста рождаемости в равнинных регионах, что свидетельствует не столько об улучшении здесь социально-экономической ситуации, сколько изменении этнодемографической структуры населения. Вместе с тем, следует отметить, что во всех регионах Северного Кавказа, как и в стране в целом, в 1990-х — начале 2000-х гг. рождаемость была заметно ниже современной, а своеобразный отрицательный пик пришелся на самую границу веков, что явилось отражением повсеместного затяжного демографического кризиса, вызванного серьезными политическими и социально-экономическими потрясениями (Рис.1).

Рис. 1. Общие коэффициенты рождаемости в городах и районах Северного Кавказа (2010–2016 гг.).

Смертность населения в Краснодарском и Ставропольском краях — много ниже, но близка к среднероссийским показателям, а в республиках показатели общего коэффициента смертности минимальны. Ее значения зависят, как минимум от двух характеристик населения.

Во-первых, — от ожидаемой продолжительности жизни, которая самая высокая как раз в северокавказских республиках: в Ингушетии — почти 81 год, в Северной Осетии — почти 79 лет, в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии — 78 лет. Во-вторых, смертность напрямую зависит от возрастной структуры населения. Так, например, доля жителей моложе трудоспособного возраста в Ставропольском крае составляет 18%,

а пенсионеров — 22%, в Чечне эти показатели — 35% и 9% соответственно, в Ингушетии — 31% и 10%, в Дагестане — 27% и 11% [Kolosov et al., 2016].

Из регионов Северного Кавказа, да и страны в целом, самый высокий естественный прирост населения - в республиках: в Чечне — 19,9‰, в Ингушетии — 17,7‰, в Дагестане — 13,3‰. В Ставропольском крае показатель естественного прироста составляет 0,9‰, Краснодарском крае - 0,3‰, а в Адыгее сохраняется естественная убыль населения (Рис. 2, 3).

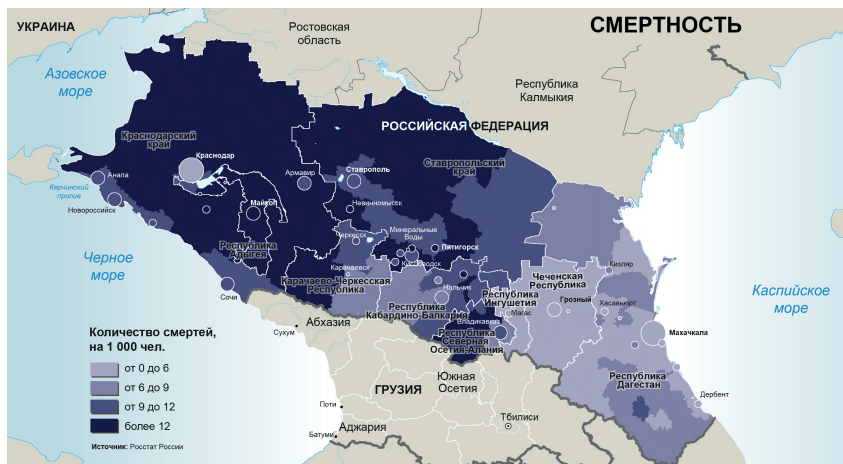

Рис. 2. Общие коэффициенты смертности в городах и районах Северного Кавказа (2010–2016 гг.).

Рис. 3. Общие коэффициенты естественного прироста в городах и районах Северного Кавказа (2010–2016 гг.).

Северный Кавказ на миграционной карте России выполняет роль переходной зоны для мигрантов из государств Южного Кавказа. Его регионы оказались на пути мощного этнического миграционного потока, в составе которого на протяжении длительного периода времени преобладали вынужденные мигранты, в т. ч. русские.

Одновременно, равнинные территории являются своеобразным «коридором миграционных ветров» между нестабильными северокавказскими республиками и остальной страной. Находясь на передовых позициях кавказских проблем, Краснодарский край, и особенно, Ставрополье оказались российским плацдармом на Кавказе и вместе с тем буфером, смягчающим остроту этнополитического и социально-экономического кризиса [Белозеров, Супрунчук, 2012]. Непосредственное расположение вблизи горячих точек Чечни, Дагестана, зоны осетино-ингушского конфликта и др., а также не менее мощных очагов межэтнической напряженности в государствах Южного Кавказа (грузино-югоосетинского, азербайджано-армянского, грузино-абхазского) обусловило массовый приток вынужденных мигрантов на Ставрополье, Дон и Кубань. Постепенно стрессовые факторы миграции утратили свое значение. Наступившее геополитическое затишье, позитивные изменения в социально-экономической и этнополитической ситуации усилили влияние экономического фактора на ход миграционных процессов.

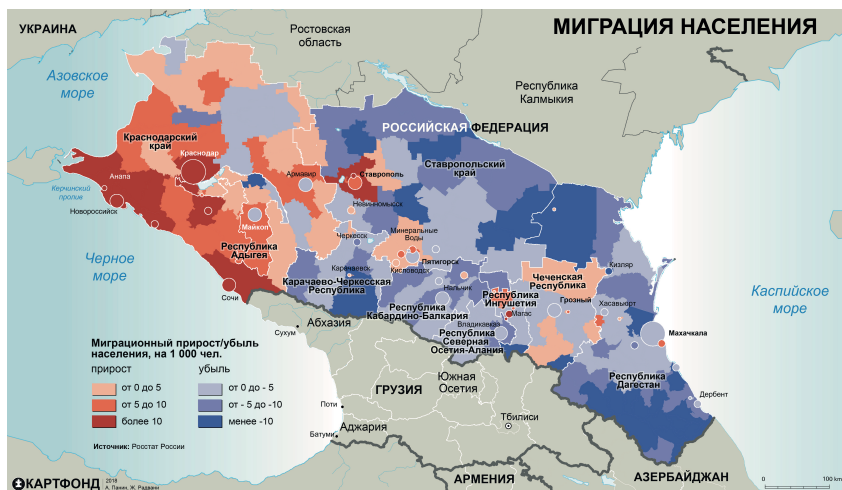

Рис. 4. Миграция в городах и районах Северного Кавказа (2010–2016 гг.).

Сложный современный характер экономического развития большинства муниципалитетов Северного Кавказа, существенные региональные диспропорции в распределении инвестиций и национальные особенности

демографического поведения (прежде всего значительный рост численности населения за счет естественного прироста в национальных республиках) определили характер и масштабы внутрирегиональной миграции.

На карте (Рис. 4) четко просматриваются «региональные ступени» миграции: «село — город», «малый город — большой город», «большой город — региональная столица», «Восток — Запад». Так же видно, что города продолжают расти за счёт сельских территорий. Правда, ресурс «доноров» практически исчерпан. Плюс, активно растут пригороды региональных столиц: Михайловск, Каспийск и т.д. Это происходит потому, что города «зажаты» в своих административных границах и почти не имеют свободной земли для строительства жилья.

Ключевой, и наиболее трагичной особенностью современных миграционных процессов на Северном Кавказе является отток северо-кавказской молодежи в ряды ИГИЛ. По разным оценкам, с 2012 по 2015 гг. миграционный поток из регионов Северного Кавказа составил порядка 8 тыс. чел. (по официальным данным ФСБ — порядка 3 тыс. чел.). В настоящее время миграционный вектор носит односторонний характер, большинство погибает в боях [Kolosov et al., 2016]. Примеры возвращения людей домой носят единичный характер, и практически, не озвучиваются официальными властями. Вместе с тем существует вероятность обратной миграции, когда обученные и хорошо идеологически подготовленные люди смогут использовать полученный опыт в борьбе за перераспределение ресурсов на Кавказе. К тому же, в условиях экономического кризиса и общего падения уровня жизни, растет доля населения лояльно оценивающих радикальную борьбу за исламские ценности на Северном Кавказе.

В целом, общие масштабы миграции снизились из-за исчерпания миграционных ресурсов стран Закавказья и других регионов постсоветского пространства: все, кто хотел и мог оттуда выехать, уже сделали это. При этом межрегиональный миграционный прирост в равнинных регионах будет оставаться положительным из-за высокого демографического потенциала в республиках. Население, и прежде всего молодые люди будут выезжать оттуда, выбирая новым местом жительства более экономически развитые территории.

Таким образом, в целом Северный Кавказ обладает мощным демографическим потенциалом, величина которого достаточно стабильно растет. Если для России в целом характерен отрицательный демографический тренд, то практически, во всех регионах Северного Кавказа наблюдается рост численности населения. Однако, необходимо помнить, что несоответствие экономического и демографического благополучия становится источником одного из ключевых противоречий, усиливающих неустойчивость социально-экономического и политического развития этих территорий.

Основным источником увеличения численности населения республик Северного Кавказа является естественный прирост. Однако доходы на душу населения отстают от роста населения, несмотря на некоторое оживление в экономике. Высокие показатели рождаемости и продолжительности жизни увеличивают иждивенческую нагрузку на экономически активное население, в структуре которого начинают преобладать безработные.

Несовпадение демографического и социально-экономического благополучия становится для республик источником политической нестабильности. Концентрация регионов с высокими показателями рождаемости и молодости возрастной структуры населения в одном месте требуют адекватного реагирования со стороны федеральных властей. Демографическая политика должна учитывать региональную специфику, а конкретные меры, направленные на сглаживание контрастов в социально-экономическом развитии и качестве жизни населения, необходимо предлагать с учетом этнодемографических особенностей.

III. «Якорные» инвестиционные проекты: риски и потенциал их реализации

Первые несколько лет активизации государства в сфере экономической политики на Северном Кавказе убедительно продемонстрировали, что в этом регионе работают далеко не все стандартные механизмы привлечения инвестиций и развития территорий. В настоящее время приоритет по-прежнему отдается крупным «якорным» проектам, которые призваны одномоментно закрыть большинство острых проблем в сфере занятости населения и наполнения региональных бюджетов. Именно от таких проектов ждут мультипликативного влияния на экономику регионов Северного Кавказа.

В первый год существования Северо-Кавказского федерального округа были созданы два мощных института развития призванных кардинально изменить инвестиционный ландшафт всего региона - ОАО «Курорты Северного Кавказа» (КСК) и ОАО «Корпорация развития Северного Кавказа» (КРСК). И первая и вторая компании скомпонованы с солидным и постоянно пополняемым финансовым «кэш» как дочерние структуры Внешэкономбанка и ОАО «Особые экономические зоны».

С 2012 по 2016 в инвестиционных портфелях компаний суммарно находилось более 30 проектов на общую сумму 1,2 триллиона рублей, включая активно продвигаемый А. Хлопониным «Туристско-рекреационный кластер» («Архыз», «Ведучи», «Эльбрус-Безенги», «Мамисон», «Каспийский прибрежный кластер», «Лагонаки», «Матлас», «Цори», «ОЭЗ в Ставропольском крае»).

Логика стратегических приоритетов развития экономики Северного Кавказа распределилась по следующим направлениям: АПК, туризм, строительство и промышленность строительных материалов, малая энергетика, транспорт. В каждом из направлений сформировался с одной стороны пул потенциальных инвесторов (О реалистичности которых говорить крайне сложно. Так например, ни один из заявленных проектов группы «Интеррос» так и не рискнул реально начать инвестирование на Кавказе), с другой, строго определенный инструмент государственной поддержки.

Первая волна проблем, с которой столкнулись власти, была связана с низким качеством проработки документов по реализации инвестиционных проектов. Финансовые модели, бизнес-планы и социально-экономические обоснования попросту не выдерживали критики у экспертов принимавших решение о включении того или иного проекта в перечень приоритетных. На этом фоне, зашкаливал уровень лоббизма и давления на власти со стороны местных элит, желающих во что бы то ни стало получить государственные гарантии на реализацию собственных (часто этнически окрашенных) бизнесов. Отсюда такой скандальный характер подготовки стратегии социально-экономического развития Северного Кавказа до 2025 г. Реалистичность ее мероприятий оценить и измерить оказалось просто невозможным [Kolosov et al., 2016].

Вторая группа проблем появилась там, где не ждали — на земле. Дело в том, что реализация проектов с государственной поддержкой возможна только на юридически «чистом» участке земли. Например, в Домбае (логичном месте для кластера) такого участка просто не нашлось. Во многом выбор в пользу Архыза связан с относительно легкой процедурой получения необходимых гектар. Но даже там проявилось сильное сопротивление со стороны местного населения, в том числе чабанов, традиционно занимающихся выпасом скота. Особый резонанс эта проблема имеет в настоящий момент и на Каспии и в других регионах Северного Кавказа.

Третий и самый главный — недоучет или явное игнорирование этнодемографических, миграционных, экономических и общественно-политических особенностей Северного Кавказа. Мало кто из разработчиков таких проектов отдавал себе отчет в какой социальный ландшафт вписан кластер, завод, гостиница и т.д. Если с геологией и инженерными изысканиями более менее удавалось разобраться быстро, то другие факторы развития территории просто не учитывались. В этом смысле, очевидно, что мега-стройки (вроде Сочи или Саммита АТЭС) здесь имели и имеют колоссальные риски, а многие из них напоминают бомбы замедленного действия. Поэтому, абсолютное большинство проектов находятся в замороженном или полумороженном состоянии (Рис. 5).

Рис. 5. «Якорные» инвестиционные проекты Северного Кавказа (2012–2016 гг.).

От «якорей» ждут, что они дадут работу местным жителям и остановят отток молодежи, а на деле получается наоборот. Дело в том, что механизм прихода крупного бизнеса часто иной. Прежде, чем входить в муниципалитет игроки пытаются вертикально и горизонтально договориться с региональной и местной властью. Часто, это залог стабильности и защищенности инвестиций. Соответственно, носители ключевых компетенций в органах власти меняться не должны. Местные элиты, в первую очередь власть, активно включаются в деятельность бизнеса. Власть постепенно начинает выполнять не свои прямые обязанности, связанные с управлением территории муниципалитета, а занимается развитием конкретного бизнеса.

Власть на местах часто и есть бизнес. Конечно, такой факт, характерен для большей части страны, но для муниципалитетов подверженных активным этническим факторам развития является опасным в двойне.

Поскольку крупный бизнес оказывается закрытым, а малый и средний бизнес не имеет достаточных ресурсов, деловая активность в муниципалитете не формируется. Малый бизнес сильно разобщен и фокусируется, в основном, на оказании услуг населению. Большинство предпринимателей на муниципальном уровне не удовлетворены текущим состоянием своих бизнесов. Многие из них связывают сокращение своих доходов

с ростом конкуренции и сокращением численности населения. Для многих проблемой является заниженный, по их мнению, социальный статус и недостаточное внимание к их проблемам со стороны местной власти. Как правило, касты не перемешиваются. Примеров прихода во власть успешных муниципальных бизнесменов крайне мало.

В результате закупориваются кадровые, управленческие и бизнесовые лифты, и крупные проекты дают обратный эффект, — возникает социальная напряженность, которая приводит к миграционному оттоку населения.

Безусловно, местное население и их бизнесы должны быть встроены в процесс формирования инвестиционных «ядер». Речь идет о локальных бизнесах внутри проектов: магазины, рестораны, прокаты и т.д. Без соблюдения этого условия социальная напряженность продолжит расти. Жители не без оснований опасаются, что будут отодвинуты крупными игроками на второй план.

На этапе планирования инвестиционных проектов, должны четко выявляться и формулироваться интересы местного населения. Для них должны быть разработаны варианты участия. Причем ориентироваться необходимо не только на проживающих в условной 30-километровой зоне, но и гораздо дальше. Для данного населения таких территорий необходимы иные предложения, например, организация транспортных потоков в соответствии с маршрутами, создание локальных точек притяжения, производство экологических и традиционных продуктов питания, сувениров и т.д.

Поэтому нужно принимать во внимание такие факторы, как земельные, этнические, религиозные, клановые отношения, которые оказывают огромное воздействие на экономику Северного Кавказа. И самое главное — следует учитывать специфику каждого отдельного населенного пункта.

Муниципальный уровень власти ближе всего к людям, но он же и самый сложный. Большинство муниципалитетов — это глубоко дотационные территории с крайне низкой эффективностью управления, и здесь, к сожалению, почти ничего не изменилось за весь постсоветский период: руководители в большинстве своем существуют в рамках советской парадигмы управления, многие не могут и не хотят меняться.

Рокировки глав субъектов не могут изменить все: дьявол прячется в деталях, а в данном случае — на более низком этапе власти. Причем на Северном Кавказе это принимает совершенно особые формы, поскольку границы муниципальных образований и даже субъектов федерации не совпадают с границами традиционного расселения, а значит, у того же инвестора нет готового ответа на главный вопрос: с кем договариваться?

Именно эти факторы до недавнего времени были не учтены в инвестиционной повестке на Северном Кавказе, но как раз они формируют

высокий конфликтный потенциал. А эффективные бизнесмены на них реагируют более чутко, чем власть, и не идут на те территории, где этот потенциал присутствует — например, не существует ни одного крупного животноводческого холдинга, который работал бы в восточных районах Ставрополя, хотя теоретически возможности для их прихода очень хорошие.

По прежнему, малый и средний бизнес на Северном Кавказе во многом находится в теневой либо полутеневой зоне, и убедительных примеров вывести их оттуда практически нет. Одним из инструментов для этого является создание индустриальных парков и производственных кластеров, когда на небольшой территории формируется концентрированная группа резидентов, включая местных производителей.

На Северном Кавказе в последние годы мы видели ряд таких попыток, но в основном они заканчивались тем, что в последний момент появлялись крупные игроки, аффилированные с властью и значительная часть местного актива оставалась за бортом. А крупные игроки, в свою очередь, играют осторожно — с оглядкой на санкции, курс рубля и так далее. Получается еще один парадокс: хорошо известно, как бизнесмены Северного Кавказа инвестируют в экономику других регионов России и за рубежом, а обратного процесса нет. Поэтому мы и не наблюдаем на Северном Кавказе каких-то впечатляющих экономических успехов от реализации «якорных» инвестиционных проектов.

Список используемой литературы

1. Белозеров В. С., Супрунчук И. П. 2012. География терроризма: полимасштабный анализ террористической деятельности. Информационно-аналитический атлас. Ставрополь: Издательство СГУ. 48 с.: ил.
2. Белозеров А. А., Панин А. Н., Приходько Р. А., Чихичин В. В., Черкасов А. А. 2014. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь: изд-во ФОК-Юг. 314 с.:
3. Колосов В. А., Вендина О. И., Гриценко А. А., Глезер О. Б., Зотова М. В., Панин А. Н., Себенцов А. Б. 2016. Результаты политики постсоветских экономических и социальных реформ на Северном Кавказе. *Устойчивое развитие горных территорий*. 8(4).
4. Щитова Н. А., Чихичин В. В. 2014. Сравнительный анализ социально-экономического развития регионов Северного Кавказа. *Наука. Инновации. Технологии*. 1:161 — 174.
5. Belozеров A. A., Panin A. N., Prihod'ko R. A. 2010. Atlas "Educational complex of the Stavropol territory": the resource edition. Stavropol: publishing house SGU. 52 p.: il. (in Russian).
6. Kolosov V., Vendina O., Gritsenko A., Glezer O., Panin A., Sebenstov A., Zotova M. 2016. Consequences of economic and social transformation policies in the North Caucasus. *CASCADE*. Режим доступа: <http://www.cascade-caucasus.eu/wp-content/uploads/2016/04/CASCADE-D4.1.pdf3> (дата обращения: 20702.2016).